Выключи кондиционер, — сказал Цинь Мянь.

Кэла бросил взгляд на стоящего у окна Цинь Мяня, опустил рюкзак, подхватил пульт и нажал кнопку выключения, раздался тихий звуковой сигнал.

Кэла знал, что у Цинь Мяня плохое настроение, а когда у того портилось настроение, он особенно не выносил шума — хуже всего то, что его всегда раздражали любые мелкие звуки.

Рюкзак издал глуховатый сигнал, Кэла подбежал, выловил собственный телефон, ткнул в экран, после чего поспешно направился с телефоном к Цинь Мяню: Брат Мянь, неудивительно, что мы раньше никак не могли его отыскать! Он шесть лет снимал диких животных в африканской глуши, в местах, где вообще нет сотовой связи, и заработал кругленькую сумму. Только в прошлом году приехал в Синьти. На юге Синьти климат лучше, и с общественным порядком всё в порядке, разве там не выгоднее заниматься свадебной фотосъемкой? Почему он непременно застрял на севере?

Говоря это, он развернул экран с досье на Хэ Линьнаня в сторону Цинь Мяня. Цинь Мянь бросил взгляд, нахмурился и толкнул телефон обратно.

Кэла сообразил: Ой, забыл, тут же всё по-китайски… Подожди, скачаю переводчик.

Он нажал на загрузку, но, так и не дождавшись ответа от Цинь Мяня через полминуты, слегка озадачился, поднял голову и проследил за взглядом Цинь Мяня на улицу.

Внизу, возле небольшой закусочной, кто-кого избивал.

Вглядевшись повнимательнее, он понял: да это же Хэ Линьнань, который еще пару минут назад находился здесь, в комнате!

Кэла посмотрел на Цинь Мяня: Брат… Брат Мянь?

Взгляд Цинь Мяня по-прежнему тяжело скользил по улице, с его губ сорвалось всего два слова: Заявляй в полицию.

Местное отделение полиции.

Хэ Линьнань запрокинул голову, глядя на потолочный вентилятор прямо над своей макушкой. Эта штука крутилась очень медленно, то ли из-за толстого слоя пыли на лопастях, то ли еще почему, но никакого ветерка он почти не чувствовал.

Местный полицейский через стол кричал на него на ломаном английском с тяжелым акцентом.

Хэ Линьнань чувствовал себя ужасно несправедливо обиженным.

Он всего лишь увидел, как владелец лотерейной точки избивает свою дочурку лет двенадцати-тринадцати, и автоматически заслонил девчонку собой.

Зная, что ему нельзя ввязываться в неприятности, он вообще не давал сдачи, вмешавшись лишь с тем расчетом, чтобы лавочник сорвал на нем злость и успокоился. Девочка с виду весила от силы тридцать килограммов, а ручки и ножки были тоненькие, как веточки — он искренне боялся, что пьяный в дугу хозяин лотерейки впопыхах переломает ей кости.

Девочка сложила ладони перед грудью и быстро-быстро заговорила с полицейским на синьтийском диалекте.

Хэ Линьнань, хоть ничего и не понимал, мог догадаться: скорее всего, умоляет за своего родного отца.

Мировую-то они в итоге заключили, но местный страж порядка обнаружил, что срок его рабочей визы истек, и теперь собирался связаться с профильными ведомствами для его депортации.

В не самом просторном маленьком участке толпилось множество народа, все шумели и галдели.

Он поднял глаза на шевелящиеся каменно-черные губы офицера и подумал, что это просто пиздец какая засада: если его и правда депортируют, вернуться по официальным каналам удастся нескоро, пройдет пара-тройка лет.

А в Синьти этом самом — богачи богатеют, бедняки бедствуют, с криминалом дела обстоят так себе, особенно на севере.

Местные жители, завидев драку, обычно предпочитали не заявлять в полицию, опасаясь мести.

Сейчас как раз стоял несезон для туристов в Синьти, и без того немногочисленные путешественники в основном куковали на юге. Кому, блять, пришло бы в голову от скуки обращаться в полицию, о чем они вообще думали?

Спустя десять секунд после того, как эта мысль промелькнула в голове, Хэ Линьнань понял, о чем думал заявитель.

— Заявитель как раз входил внутрь.

Одетый так, будто только что сошел с рекламного плаката для топ-моделей, да и лицом под

стать, причем непременно бренда первой величины. Бренды высшего эшелона как раз предпочитали такие лица, где костей больше, чем мяса, с ярко выраженными чертами мужской привлекательности. Прибавьте к этому такой рост — в любую толпу закинь, всё равно в первую очередь заметишь именно его.

Хэ Линьнань откинулся на спинку стула и фыркнул.

Полицейский, который только что смотрел на Хэ Линьнаня свысока и грозился депортировать, расплылся в улыбке цветка лотоса, подскочил к Цинь Мяню и принялся выпрашивать то автограф, то совместное фото.

Без того галдящий полицейский участок, завидев звезду, едва не взорвался.

Все формальности были улажены. Цинь Мянь достал контракт и положил перед Хэ Линьнанем — не тот экземпляр, первую страницу которого Хэ Линьнань разорвал, а новый, с прежним содержимым.

Хэ Линьнань пролистал документ до последней страницы, приподнял бровь: нет, отличия всё же были — тройная неустойка превратилась в десятикратную.

Уставившись на строчку с размером неустойки, он расхохотался.

Смеялся долго, никак не мог остановиться, и одновременно покачивал головой.

Вытащив привязанную витым шнуром к столу ручку, он размашисто поставил свое имя на договоре, после чего вернул бумагу Цинь Мяню.

Так он официально стал штатным фотографом местного клуба.

Иммиграционная служба тоже находилась в центре города, так что, едва выйдя из полицейского участка, он сразу направился решать вопросы с продлением визы.

Синьти можно было назвать краем завзятых фанатов боевых искусств, и вероятность того, что Цинь Мяня узнают на улице, здесь оказалась куда выше, чем на родине. Сопровождать Хэ Линьнаня в его беготне было неудобно, поэтому во всех хлопотах с документами ему помогал Кэла.

Паренек этот с виду казался ненадежным, но делал всё на редкость споро. Местные жители по-английски говорили паршиво, зато Кэла отлично понимал синьтийский диалект, избавив его от целой кучи хлопот.

В иммиграционной службе ему выдали новую визу. Когда с делами было покончено, Кэла

составил ему компанию в курительной зоне у входа, чтобы перекурить.

Этот парень говорил мало, но то и дело таращился на него широко раскрытыми глазами, полными любопытства, так что у того даже мурашки по коже побежали. В конце концов Хэ Линьнань сам заговорил с ним по-английски: Судя по твоей речи, английский — тоже не твой родной язык. Сам-то ты откуда?

Кэла бросил на него взгляд: Из Синьцзяна.

У Хэ Линьнаня от неожиданности сигарета выпала из пальцев на землю, а голос взлетел на целую октаву: Тогда какого хрена ты всё это время разговаривал со мной по-английски?!

Кэла снова поднял на него глаза: Вы первый заговорили со мной по-английски.

Хэ Линьнань: «…»

Да потому что у тебя физиономия иностранца!

Не успел Хэ Линьнань оправиться от шока, как Кэла снова выдал: Слышь, давай со мной жить.

Хэ Линьнань: «…»?

Кэла: Я не храплю. Бывшие сокамерники по команде, с которыми я делил комнату, все как один говорили, что я во сне даже не ворочаюсь.

Хэ Линьнань подумал немного и предложил: Может, всё-таки перейдешь на английский?

Смотри, — засуетился Кэла, — я говорю с тобой по-китайски, а ты опять не понимаешь. Брат Мянь снял небольшой дом возле клуба, там же живут диетолог и тренер. Будешь жить со мной, в одной комнате.

Хэ Линьнань уловил суть, немного поразмыслил и снова спросил: А почему я не могу поселиться в комнате с диетологом?

Кэла: Диетолог — женщина.

Хэ Линьнань: А тренер?

Тренер — муж диетолога, — ответил Кэла.

«…»

Хэ Линьнань умолк.

Кэла толкнул его локтем в бок: Когда переезжаешь? Разве твой хозяин квартиры не говорил, что забирает жилье под переделку в гостевой дом?

Хэ Линьнань прищурился, зажал сигарету губами, глубоко затянулся и медленно выпустил дым: А ты навел справки во всех подробностях.

Кэла ничего не ответил.

Переехав пораньше, можно было еще выбить с хозяина какую-нибудь компенсацию. В любом случае, рано или поздно пришлось бы столкнуться с Цинь Мянем, а прятаться днем или отсиживаться эти несколько ночных часов не имело особого практического смысла. Раз уж в контракте черным по белому стояли его подписи, то упрямиться дальше после предложенных условий с бесплатным жильем и питанием было бы чистой воды ломанием комедии.

В съемной каморке особого багажа не водилось — огромный рюкзак вмещал всё имущество, закинул за плечи и готов двигать в путь.

Скинь мне адрес, — сказал Хэ Линьнань Кэле.

В девять часов вечера он с рюкзаком за плечами стоял перед тем самым маленьким домиком, о котором толковал Кэла.

Понятия не имеешь, в какой семье вырос Кэла, раз называет это маленьким домиком.

Перед ним красовался самый настоящий отдельный особняк с бассейном и садом. Бассейн сиял такой чистотой, что на поверхности не плавало ни единого листочка, а цветы в саду были подобраны и расставлены с безупречным вкусом, обрамляя композиции так пышно, будто над ними колдовал ландшафтный дизайнер. Сразу чувствовалось, что за ними тщательно ухаживают; оставалось только гадать, как хозяин вообще решился расстаться с этой красотой.

В гостиной на первом этаже крупный белый кот примостился на диване, склонив голову и ластясь к руке Цинь Мяня.

Цинь Мянь как раз разговаривал с кем-то по видеосвязи. На нем была белоснежная рубашка, он смотрел в экран телефона, а рука, лежавшая ближе к коту, машинально взметнулась, чтобы почесать животному подбородок.

Кот был порядочно отъевшимся — или, по крайней мере, белый цвет визуально добавлял

объема — и, сидя там, походил на гигантскую копилку. По сравнению с ним даже метр девяносто два роста Цинь Мяня казались чем-то хрупким.

Хэ Линьнань смотрел на кота: сначала видел его в профиль, но стоило животному повернуться, как он заметил: у кота всего один глаз, а на месте второго красовался аккуратно зашитый шов — видимо, бедняге удалили глазное яблоко.

Кэла подкрался ближе, прикрыл рот ладонью, собираясь что-то шепнуть Хэ Линьнаню.

Теплое дыхание обожгло ухо, и Хэ Линьнань молниеносным движением отпрянул в сторону: Не подходи так близко, хочешь что сказать — стой где стоял.

Кэла бросил взгляд на Цинь Мяня, сидевшего на диване, понизил голос и затараторил: Ни в коем случае не спрашивай брата Мяня, откуда у него этот кот.

Хэ Линьнань приподнял бровь. Изначально он и не собирался спрашивать, но теперь это предупреждение Кэлы само по себе разбудило любопытство.

Наша комната на втором этаже, я провожу, — снова сказал Кэла.

Хэ Линьнань уже было собрался следом, как боковым зрение уловил, что Цинь Мянь на диване отложил телефон.

Когда он повернулся, Цинь Мянь как раз пристально смотрел на него.

Поймав его взгляд, Цинь Мянь тронул губы улыбкой: Учитель Хэ, добрый вечер.

Хэ Линьнань стоял на месте, принимая этот взгляд и улыбку Цинь Мяня, и у него возникло странное ощущение, будто его туго-туго спеленали веревками — ни пошевелиться, ни отвести глаза, оставалось лишь смотреть на Цинь Мяня.

Воротник белой рубашки слегка приоткрывал черную кольцевую татуировку на шее Цинь Мяня. Окна в гостиной были распахнуты, но кондиционер не работал, и на белоснежном воротнике темнели влажные пятна пота.

Взгляд неизбежно скользнул по кадыку чуть выше кольцевого рисунка. Ощущая во рту сухость, Хэ Линьнань силой оборвал собственный взгляд, проигнорировал приветствие и первым, обогнав Кэлу, взбежал по ступенькам лестницы.

Глава 5. «Ясность»

Татуировка на шее Цинь Мяня напоминала короткую цепочку, которую носят молодые девушки, плотно обхватывая шею.

Угольно-черная, простой замкнутый круг.

Из-за некоторой неуместности этого рисунка взгляд невольно концентрировался где-то возле него, неизбежно опускаясь на лицо Цинь Мяня.

Шум падающей воды звучал монотонно и непрерывно.

Хэ Линьнань растопырил ладони под струями душа, ощущая напор воды.

Он был психом, который прекрасно в себе разобрался.

Свою ориентацию он осознал довольно рано.

Он — гомосексуал.

Но куда больше хлопот, чем сама эта особенность, ему доставлял другой вопрос: еще подростком, когда в психиатрической лечебнице у него диагностировали отклонение, он никак не мог взять в толк, в какой именно момент его психика дала сбой?

http://bllate.org/book/34412/4242626